

На правах рукописи

БЕЛЕЦКАЯ
Елена Владимировна

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ
КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2007

Работа выполнена на кафедре английского языка в ГОУ ВПО «Тверской государственной университет».

Научный руководитель: Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук, профессор,
Залевская Александра Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
Босова Людмила Михайловна
кандидат филологических наук, доцент,
Левитов Юрий Львович

Ведущая организация: Московский государственный открытый
педагогический институт им. М.А.
Шолохова

Защита состоится «___» _____ 2007 г. в ___ час. ___ мин.
на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском
государственном университете по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул.
Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского
государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Отзывы можно отправлять по адресу: Россия, 170000, ул. Желябова, 33,
Тверской государственной университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «___» _____ 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

Маскадыня В.Н.

Реферируемая диссертация посвящена моделированию особенностей конструирования метафоры, расширенная трактовка которой включает собственно метафору, метонимию, сравнение, оксюморон, перифразу, двойной смысл, игру слов, иронию, гиперболу и литоту.

Под *конструированием* подразумевается глубинный процесс формирования совмещенного пространства смысла, позволяющего устанавливать общность между объектами, их признаками и т.д. Конструирование метафоры происходит как у говорящего/пишущего, так и у слушающего/читающего. В последнем случае имеет место встречное конструирование как построение совмещенного пространства смысла, без которого понимание метафоры реализоваться не может.

Многие стилистические приемы, в первую очередь фигуры и тропы, основаны на проявлении неоднозначности. Исследования понимания фигурального языка имеет большое значение, поскольку «человеческое мышление в сущности фигурально» [Turner 1996: 2], а повседневное употребление языка глубоко структурировано метафорическими и метонимическими принципами. Метафора является естественным проявлением способа, в соответствии с которым построено наше мышление [Rohrer 1995]. Фигуры речи представляют собой в первую очередь способы представления знаний и познавательные средства [Ченки 1997]. Тропам приписывается функция соединения эксплицитного и имплицитного содержания. Преодоление неоднозначности является одной из важнейших задач понимающего, что свидетельствует об *актуальности* предпринятого исследования, нацеленного на моделирование путей преодоления возникающих при встрече с метафорой трудностей.

Наметившийся в последнее время тотальный интерес к метафоре можно связать с теми изменениями, которые произошли в структуре и динамике современного знания о мире, а также с новым взглядом на проблему вербализации результатов научного и обыденного познания. За последние годы, по признанию многих исследователей, в лингвистике отмечается пересмотр позиций по вопросам соотношения языка и мышления, языкового отражения действительности.

Изменения в изучении метафоры можно рассматривать как частный аспект переориентации лингвистики на максимальное содействие человеку в его научно-исследовательской, познавательной и практической деятельности, на повышение прикладной значимости лингвистики. «Ориентация на природу языка как инструмента в процессе познания, как способа выведения новых истин предопределила повышенный интерес к метафоре и рассмотрение ее в качестве основного средства мыслительной и языковой деятельности» [Глазунова 2000: 119]. Интерес к метафоре связан также и с проблемами соотношения образного и логического, мышления и языка.

В последнее время в лингвистических работах все чаще появляются указания на то, что «необходима теория языка, отражающая человеческий

опыт» [Лакофф 1981: 350], что «ни одна лингвистическая теория в настоящее время не может обойти вопроса о психологической реальности своих объектов» [Степанов 1981: 34] и что описание любого языка невозможно без учета того, что делается в «головах людей» [Чейф 1975: 47]. Все это говорит о сближении задач лингвистических и психолингвистических исследований, и учет особенностей построения и понимания высказываний «возможен лишь при условии выхода за рамки лингвистики и реализации комплексного подхода, интегрирующего данные ряда наук» [Залевская 2005].

Данная работа содержит исследование стилистических фигур как с точки зрения лингвистики, так и с позиций современных тенденций изучения метафоры как средства мыслительной деятельности в области когнитивной науки, согласно которым метафора – одна из форм концептуализации как когнитивного процесса, результатом которого является формирование новых понятий [Кубрякова и др. 1996].

Объектом исследования являются тропы как разновидности метафоры в широком понимании этого слова.

Предметом исследования выступают особенности конструирования тропов при их построении и понимании.

Цель настоящего исследования – объяснить особенности конструирования разновидностей метафоры с опорой на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера и моделировать специфику построения отдельных видов сатирических коннотаций.

Для достижения поставленной цели решается ряд *задач*:

- ознакомиться с научной литературой по риторике, классифицировать стилистические фигуры, приемы, тропы;
- определить роль стилистических фигур при понимании текста;
- установить, существует ли в системе выразительных средств языка функционально-семантическое поле сатирических коннотаций (далее – ФСПСК), выявить структуру ФСПСК;
- вывести формулы тропов, относящихся к доминанте ФСПСК;
- определить роль метафоры в понимании нового и рассмотреть механизмы ее функционирования;
- посредством моделирования различных видов совмещенных пространств объяснить особенности конструирования метафоры, расширенная трактовка которой включает сравнение, литоту, гиперболу, оксюморон, зевгму, метонимию, игру слов, двойной смысл, иронию.

Материалом для исследования послужил отобранный корпус примеров на русском и немецком языках (460 единиц).

Теоретической основой работы послужили концептуальная теория метафоры [Lakoff & Johnson 1980]; теория концептуальной интеграции, описывающая механизмы функционирования метафоры [Fauconnier & Turner 1994; 1996; 1998; 2002]; психолингвистическая теория слова как

средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека (памяти), теория внутреннего контекста и концепция специфики функционирования индивидуального знания, разработанные А.А. Залевской [1977; 1990; 2005].

Поскольку объем и содержание понятия «троп» определяется понятием «метафоры» в широком смысле, включающей сравнение, гиперболу, метонимию, синекдоху, перифразу и другие языковые средства, метафоре отводится первое место как «первотропу» в том смысле, что она является самым главным средством метафоризации [Крюкова 2000а, б]. В этом случае метафора определяется как любой перенос наименования с одного объекта на другой на основе смежности, сходства и прочего. По мнению А.А. Залевской, в основе формирования метафоры находится не только процесс переноса с одного понятия на другое, а сложный речемыслительный процесс метафоризации, включающий в себя механизм узнавания, ориентированный на поиск знакомых исходных элементов, механизм ассоциирования, обеспечивающий такой поиск и приводящий к актуализации связей между взаимодействующими компонентами перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного и вербального опыта человека, механизм глубинной предикации, узаконивающий факты констатации установленных связей, механизм получения выводных знаний [Залевская 1991: 77]. Поэтому, рассматривая, как функционирует собственно метафора, каковы механизмы ее работы, каким образом происходит отбор признаков в процессе метафоризации и как обеспечивается наше понимание метафоры, мы говорим о метонимии, эвфемизмах, гиперболе, литоте, сравнении, двойном смысле, игре слов, оксюмороне, зевгме, иронии с точки зрения когнитивного подхода.

На защиту выносятся следующие теоретические положения.

1. В системе выразительных средств языка можно выделить функционально-семантическое поле сатирических коннотаций. В структуре такого поля разграничиваются: ядро с доминантами, периферия и маргинальная зона. К доминанте относятся тропы, которые независимо от логического наполнения ячеек их моделей всегда создают сатирические коннотации на основе контаминации несовместимых смыслов: зевгма, оксюморон, двойной смысл, игра слов, литота, ирония. На периферии лежат стилистические фигуры, амбивалентные по отношению к сатирическим коннотациям: метафора, метонимия, сравнение, перифраза. В маргинальной зоне – промежуточной между ядром и периферией – находится гипербола, способная создавать торжественный подтекст и не иметь сатирических коннотаций.

2. Расширенная трактовка метафоры предполагает включение собственно метафоры, метонимии, игры слов, двойного смысла, эвфемизмов, перифразы, сравнения, зевгмы, оксюморона и иронии.

3. Моделирование особенностей конструирования метафоры с опорой на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера позволяет объяснить особенности формирования совмещенных пространств смысла при встрече с метафорой, метонимией, игрой слов, двойным смыслом, эвфемизмами, перифразой, сравнением, зевгмой, литотой, гиперболой, оксюмороном и иронией.

4. Особенности конструирования метафоры при ее создании и понимании могут быть объяснены через понятия простых, зеркальных, односторонних и двусторонних интегрирующих сетей. При понимании перифразы и эвфемизмов строится простая сеть; при образовании и понимании гиперболы и литоты образуется зеркальная сеть; особенности конструирования метонимии можно объяснить через понятие односторонней сети; через понятие двусторонней сети можно объяснить особенности конструирования сравнения, оксюморона, зевгмы, двойного смысла, иронии и игры слов.

Научная новизна исследования обеспечивается выделением в системе выразительных средств языка функционально-семантического поля сатирических коннотаций с разграничением в структуре такого поля центра с доминантами, в число которых входят игра слов, двойной смысл, оксюморон, ирония, зевгма и литота, периферии со стилистическими фигурами, амбивалентными по отношению к сатирическим коннотациям (метафора, метонимия, сравнение, перифраза, эвфемизмы), и маргинальной зоны, к которой отнесена гипербола.

Теоретическое значение исследования обуславливается тем, что получает объяснение специфика моделей понимания стилистических фигур разных видов, трактуемых в свете когнитивного подхода к пониманию тропов.

Практическое применение результатов проведенного исследования связано с возможностью включения их в учебные курсы и спецкурсы по теории поля, стилистике, психолингвистике, лингводидактике и теории перевода.

Цели и задачи исследования определили *структуру* работы. Во Введении обосновывается актуальность исследования, формулируются основная цель и задачи, определяется научная новизна. В первой главе обсуждаются вопросы разграничения стилистических фигур, определяется их роль при понимании текста, описываются современные тенденции выделения поля, проверяется научная гипотеза о том, что в системе выразительных средств языка можно выделить функционально-семантическое поле сатирических коннотаций, его коллективные доминанты, маргинальную зону и периферию. Вторая глава посвящена моделированию процессов понимания тропов на основе схемы модели совмещенных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера. Общие итоги исследования подводятся в Заключении. Текст сопровождается списком

литературы (265 источников на русском и английском языках), списком источников примеров (13 единиц), списком использованных сайтов (3 единицы), в работе имеется 19 рисунков, 9 таблиц и 9 приложений.

Апробация работы проводилась в форме отчетных выступлений на заседаниях кафедры английского языка Тверского государственного университета; на заседаниях кафедры русского и иностранных языков Тверского филиала Московского гуманитарно-экономического института; на Всероссийских научно-методических конференциях Тверского филиала МГЭИ (2002, 2004, 2005), на региональной научно-практической конференции ТФ МГЭИ (2007).

По теме диссертации опубликовано 7 работ общим объемом 3,6 п.л., одна из них – в рецензируемом научном журнале.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе диссертации «Система выразительных средств языка» обсуждаются вопросы разграничения стилистических фигур – фигур речи и тропов; определяется их роль при понимании художественного текста; описываются современные тенденции выделения поля; проверяется гипотеза о том, что в системе стилистических средств языка существует функционально-семантическое поле сатирических коннотаций и описывается его структура.

Под фигурой речи понимается всякое специальное средство усиления изобразительности или средство достижения образности. Фигуры необходимы там, где предполагается, что у говорящего (убеждающего) есть какое-то особое новое представление, не получившее еще, однако, специального названия или вообще готового выражения в языке. Троп – «понятие поэтики и стилистики, обозначающее такие обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления изобразительности и выразительности речи» [ЛЭС 1990: 520].

Роль изобразительно-выразительных средств языка заключается в придании речи ясности, наглядности и образности. Изобразительные средства делают речь наглядной, так как воздействуют не только понятийно, но и образно, т.е. дают зрительную, слуховую, обонятельную, вкусовую, тактильную информацию.

В последнее время все большее распространение получает полевая модель системы языка, хорошо совмещающаяся с современными представлениями об устройстве и функционировании коры головного мозга человека. В разделе 1.3.1. диссертации представлен обзор различных подходов к проблеме поля. Исходя из анализа работ, посвященных исследованию полевой структуры языка и феномену экспрессивности, в диссертации предлагается следующее рабочее определение

функционально-семантического поля сатирических коннотаций (далее – ФСПСК): под ФСПСК понимается совокупность стилистических фигур, порождающих положительные или отрицательные экспрессивно-эмоциональные обертоны благодаря вторичной номинации, основанной на принципе совмещения (контаминации), но не по частичному сходству между образом и объектом секундарной номинации, а по их логической несовместимости, противоположности.

На контаминации несовместимых смыслов основаны: игра слов, двойной смысл, оксюморон, ирония, транслитерация крылатых высказываний, зевгма, предложения с эффектом ошеломления (Schlagsatz), гипербола, литота, эвфемизмы, антитеза, пародия и ирония, контрастное сочетание элементов различных функциональных стилей и экспрессивно-эмоциональной окраска.

Структура ФСПСК включает доминанту, периферию и маргинальную зону. В нашем исследовании мы вывели формулы тропов, относящихся к доминанте функционально-семантического поля сатирических коннотаций. В них используются следующие аббревиатуры: ЗФ – звуковая форма, СФ – смысловая форма. Под доминантой ФСПСК понимаются стилистические фигуры, которые независимо от логического наполнения ячеек их моделей всегда создают сатирические (в широком смысле слова) коннотации на основе контаминации несовместимых смыслов. К доминанте ФСПСК относятся следующие тропы.

1. Зевгма.

«Alles wird geweckt: Japanische Offiziere und weißgardistische Zivilisten untersuchen Paß, Koffer, Herz und Nieren». Всех будят: японские офицеры и белогвардейцы проверяют паспорт, чемодан, сердце и почки.

Формула зевгмы, где СФа – суть, смыслы, принадлежащие к одной логико-смысловой сфере и являющиеся однородными членами предложения, и СФб – несовместимый смысл, выглядит так:

$$\begin{array}{l} \underline{\text{СФа}_1 \text{ СФа}_2 \text{ СФа}_n} \\ \left. \vphantom{\underline{\text{СФа}_1 \text{ СФа}_2 \text{ СФа}_n}} \right\} \underline{\text{СФб}} = \text{алогизм} = \text{сатирические коннотации} \end{array}$$

2. Двойной смысл.

«Весна хоть кого с ума сведет. Лед и тот тронулся».

Тождество звучания и написания изображается следующим образом: ЗФ₁ = ЗФ₂. Так как смыслы этих одинаково звучащих форм различны, вводится следующее неравенство: СФ₁ ≠ СФ₂. Тождество звучания при разности значения порождает алогизм, поэтому окончательная формула двойного смысла выглядит так:

}
}

$$\begin{aligned} \text{ЗФ}_1 &= \text{ЗФ}_2 \\ &= \text{алогизм} = \text{сатирические коннотации} \\ \text{СФ}_1 &\neq \text{СФ}_2 \end{aligned}$$

3. Игра слов.

«Zuerst war er beethöflich, dann wurde er mozärtlich, dann führte er mich mit List über den Bach auf die Haydn, dort konnte er sich nicht mehr brahmsen, nun kriege ich einen Mendelssohn». Сначала он был вежлив как Бетховен, затем нежен как Моцарт, потом он хитростью провел меня через ручей на пустошь, там он не смог больше сдерживаться и теперь у меня будет Мендельссын!».

Фонетически схожие языковые образования изображаются следующим образом: $\text{ЗФ}_1 \sim \text{ЗФ}_2$, но значение сопоставленных выражений различно: $\text{СФ}_1 \neq \text{СФ}_2$. Поскольку игра слов – это соединение одинаковых форм в одно высказывание с целью создать сатирический или юмористический эффект, модель игры слов такова:

$$\left. \begin{aligned} \text{ЗФ}_1 &\sim \text{ЗФ}_2 \\ \text{СФ}_1 &\neq \text{СФ}_2 \end{aligned} \right\} = \text{алогизм} = \text{сатирические коннотации}$$

4. Оксюморон.

«Живой труп»

Поскольку оксюморон – это соединение несоединимого, противоположного, изобразить модель этой стилистической фигуры можно следующей формулой:

$$\begin{array}{c} \curvearrowright \\ \text{СФ}_1 \neq \text{СФ}_2 \\ \curvearrowleft \end{array} = \text{алогизм} = \text{сатирические коннотации}$$

5. Ирония.

«Lenz schmunzelte: "Ja, Kinder, Jupp ist prima ausgerüstet. Ich glaube, der brave, alte Citroen zittert schon in allen Kolben vor ihm». (Ленц ухмыльнулся: «Да, Юпп отлично снарядился. Я думаю, бравый, старый Citroen уже дрожит перед ним всеми колбами»).

Поскольку ирония представляет собой перенос значения, основанный на контрастном противопоставлении формы выражения и выражаемого содержания мысли, реализующемся при употреблении слов, словосочетаний или предложений в смысле, обратном тому, который непосредственно в них выражен, формула этой стилистической фигуры будет выглядеть так:

$$\text{СФ}_1 = - \text{СФ}_2 = \text{алогизм} = \text{сатирические коннотации}$$

6. Гипербола и литота

«Тогда Меньшов произвел такую вспышку магнея, что задрожала земля и на 100 км вокруг залаяли собаки»; от горшка два вершка.

Эмоционально отмеченное преувеличение или преуменьшение смысла, свойственное гиперболе и литоте, лежит за гранью рационального, поэтому суть гиперболы и литоты может быть передана следующей формулой: $СФ^{2..3..a}$, т.е. описываемое содержание возводится во вторую и т.д. смысловую степень со знаком «+» (в литоте $СФ^{-2..-3..-a}$ со знаком «-»), а разность между объективным и гиперболизированным смыслом создает алогизм:

$СФ^{2..3..a}$ = алогизм = сатирические коннотации (*гипербола*)

$СФ^{-2..-3..-a}$ = алогизм = сатирические коннотации (*литота*)

Отнесенность гиперболы к доминанте ФСПСК противоречит ее способности создавать торжественный подтекст. Она иногда не имеет сатирических коннотаций, что позволяет отнести гиперболу к маргинальной зоне – промежуточной между ядром и периферией. Однако случаи, когда этот троп создает торжественный эффект, очень редки, поэтому гипербола может выступать доминантой ФСПСК, но так же и относиться к периферии данного поля; таким образом, гипербола относится скорее не к доминанте, а к ядру поля.

К периферии относятся все стилистические фигуры, которые в определенном контексте создают сатирические коннотации при одном условии – семантическая дистанция между образом и темой должна быть достаточно большой или даже выходить за рамки рационального: **метафора** (*Гуляй дальше, ты, душевнобольной семимесячный ребенок. Пусть тебе мозги зальют бетоном морщинистая обезьяна! – пролаял он*); **метонимия** (*Попробую-ка сперва выяснить, как девушка относится к толстому автомобильному каталогу*); **сравнение** (*Мороз подирал меня по коже, я дрожал как осиновый лист*); **перифраза** (*... другой производил географические исследования в чужих карманах*); **эвфемизм** (*«Бараны, привязанные веревочками, трусили позади, время от времени катя шарики и бляя душераздирающим образом»*).

Графически ФСПСК можно изобразить так (см. рис. 1):

Рис. 1.

Во второй главе «Моделирование особенностей конструирования тропов» обсуждаются основные подходы к проблеме понимания, рассматривается метафора как архитроп и ее положение в научном дискурсе, дается обзор основных когнитивных подходов к изучению метафоры и разрабатываются модели процесса понимания тропов на основе схемы модели совмещенных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера.

По результатам анализа основных когнитивных подходов к изучению метафор мы пришли к выводу, что одним из возможным подходов к объяснению этого феномена может служить опора на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Согласно этой теории, вместо традиционно принятого пересечения двух полей авторы рассматривают концептуальное пересечение (conceptual blending) с позиций модели «множественных пространств» («many-space» model). Предполагается, что пересечение структур из двух или более исходных ментальных пространств проецируется на отдельное производное пространство, которое включает исходные структуры и в то же время имеет собственную производную структуру, нередко не проецируемую ни с одним из исходных пространств. Медиатором между содержанием входных пространств служит родовое пространство. Концептуальное пересечение функционирует во многих областях познания и действия, оно включает межпространственное картирование сходных объектов и интегрирование событий. Ментальное пространство (mental space) трактуется как относительно небольшой концептуальный набор, создаваемый для частных целей понимания и действия.

Нами разработаны модели особенностей понимания тропов на основе принципов схематичного изображения процессов концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Мы исходим из положения, согласно которому процессу метафоризации подвержены все текстовые средства непрямого номинации: *тропеические, фонетические и синтаксические* [Крюкова 2000]. Мы ограничиваемся лишь теми тропами, которые относятся к ФСПСК, рассмотренному в первой главе.

При восприятии информации происходит построение интегративной сети. Особое место занимают четыре вида сетей: простая, зеркальная, односторонняя и двусторонняя сеть.

Простая сеть, на наш взгляд, строится при конструировании перифразы и эвфемизмов («*Доктор, доктор, а нельзя ли изнутри погреться мне?*» (А.Т. Твардовский)). Фрейм в одном входном пространстве – «употребление

алкогольных напитков» совместим с элементами другого входного пространства: употребление алкоголя ведет к расширению сосудов, что является причиной внутреннего жара. Между этими пространствами нет противоречия/столкновения (clash), какое может иметь место при конкурирующих фреймах или несовместимых противоположаемых элементах. В результате этого простая сеть вообще не выглядит как сращение (бленд). Однако это типичная интегрирующая сеть, вид которой предсказывается теоретическими принципами увязывания (binding).

При образовании и понимании гиперболы и литоты образуется **зеркальная сеть**. В этой интегрированной сети все пространства – входные, общее и сращенное – разделяют одну и ту же организационную структуру. В зеркальной сети нет противоречий между входными пространствами на уровне организационных форм, поскольку фреймы одни и те же. В примере «Тогда Меньшов произвел такую вспышку магния, что задрожала земля и на 100 км вокруг залаяли собаки» (И.Ильф и Е.Петров) следствием магниевой вспышки стало дрожание земли и лай собак. Модель понимания гиперболы (как и литоты) выглядит следующим образом (см. рис. 2):

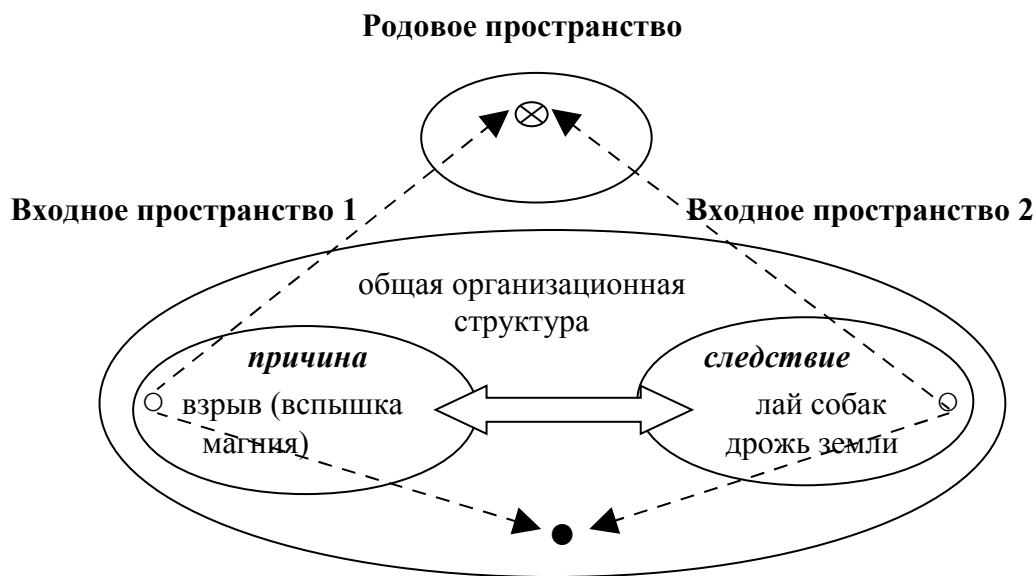
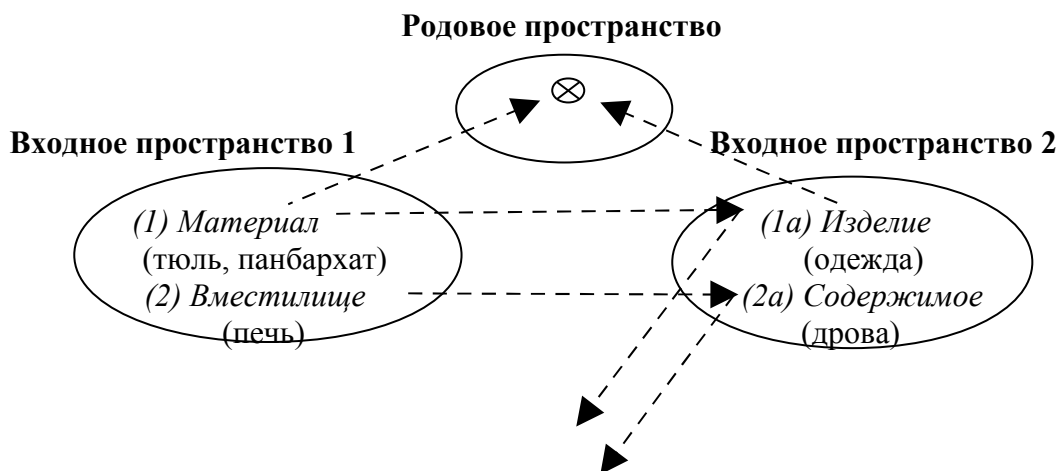

Рис. 2.

Особенности конструирования метонимии можно объяснить через понятие **односторонней сети** (см. рис. 3):

Выходное совмещенное пространство

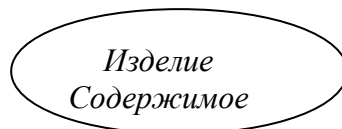
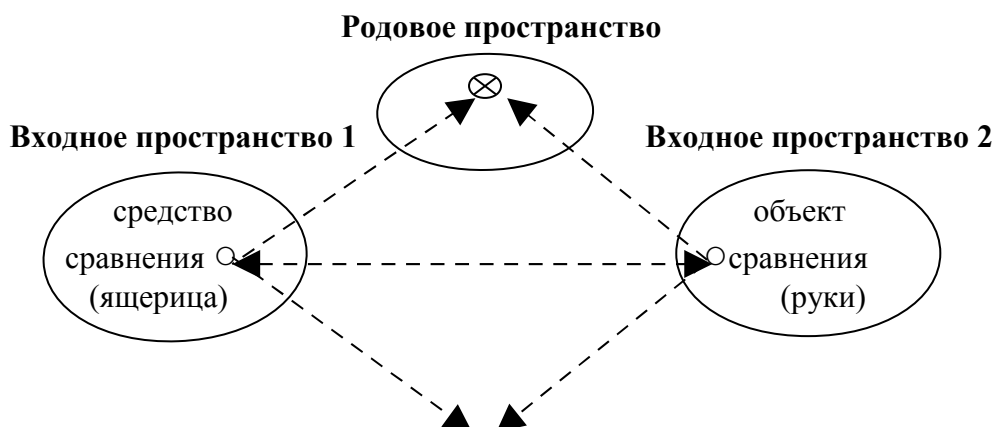

Рис. 3.

В такой сети имеются два входных ментальных пространства с разными организующими фреймами, один из которых проецируется для организации сращенного ментального пространства. Отличительным свойством такой сети является то, что организующий фрейм сращенного пространства является расширением организующего фрейма только одного из входных пространств, поэтому проекция в сращение является резко асимметричной. Говоря о тюле и панбархате («*Вся в тюле и панбархате в зал Леночка вошла*»), подразумеваются не сам материал (1), а изделие из него (1а); трещит не сама печь (2), а дрова, находящиеся в ней (2а) («*Трещит затопленная печь*»).

Через понятие двусторонней сети можно объяснить особенности конструирования сравнения, оксюморона, зевгмы, двойного смысла, иронии и игры слов. Двусторонняя сеть складывается из входных пространств с разными (и часто сталкивающимися) организующими фреймами, а организующий фрейм сращенного ментального пространства включает части каждого из таких фреймов и имеет собственную возникающую структуру. В таких сетях оба входных пространства делают решающий вклад в сращение, а существенные различия между ними дают основания для резких столкновений, которые не только не блокируют конструирование сети, но заставляют работать воображение.

Рассмотрим сравнение («*Женщина с руками, похожими на ящериц, неподвижно смотрела в одну точку*») (Э.М. Ремарк). В первом входном пространстве – предмет, с которым происходит сопоставление (ящерица), во втором –сравниваемый предмет (руки). В сращении выделяется их общий признак (тонкие длинные) (см. рис. 4). Оба пространства в данном случае делают существенный вклад в сращение, что ведет к получению неожиданного результата. Родовое пространство несет знание о том, что в мире водятся пресмыкающиеся длиной до 3 м., тело которых покрыто ороговелыми чешуйками:

Выходное совмещенное пространство

Рис. 4.

В оксюморе «живой труп» (см. рис. 5) бленд наследует некоторые элементы структуры каждого из пространств. Из первого заимствуются признаки живого человека: здоровье и благополучие, из второго – признаки трупа: мертвое тело, не обладающее жизнью. В бленде эти структуры сталкиваются, организующий фрейм сращенного ментального пространства включает части каждого их таких фреймов и имеет собственную возникающую структуру: живой человек с признаками трупа:

Родовое пространство

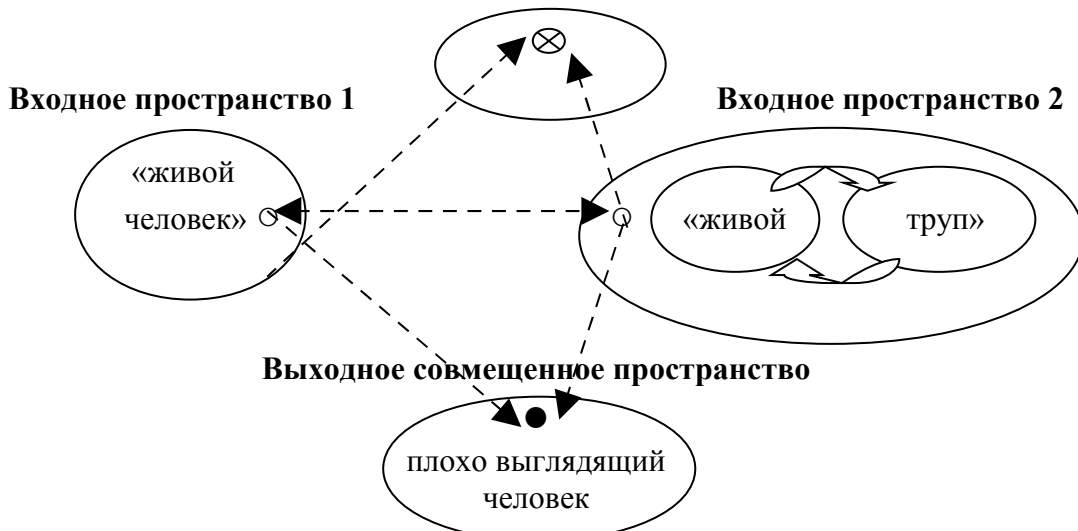
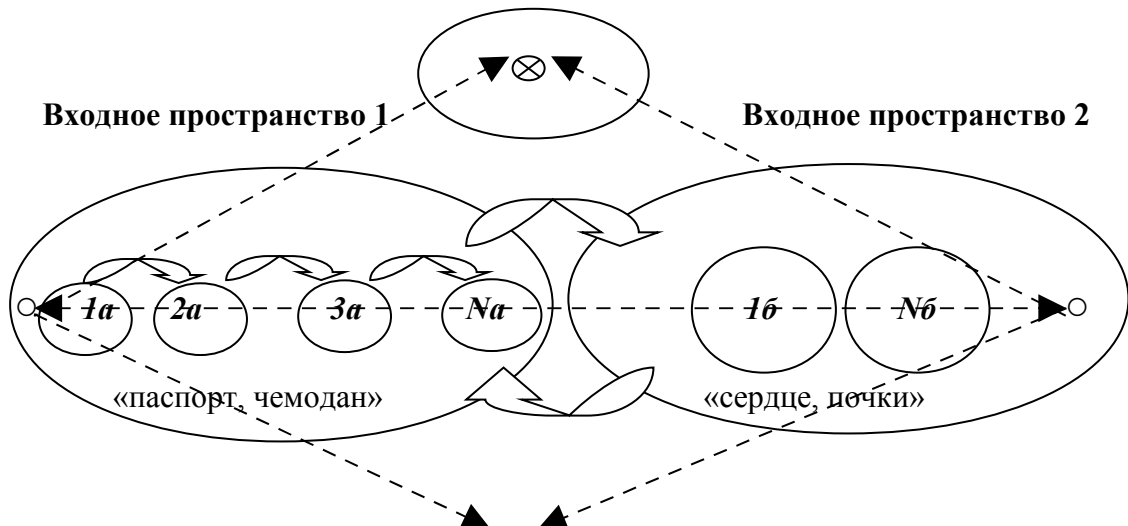

Рис. 5.

Построение интегративной сети при понимании зевгмы происходит на базе двух входных пространств(см. рис. 6):

Родовое пространство

Выходное совмещенное пространство

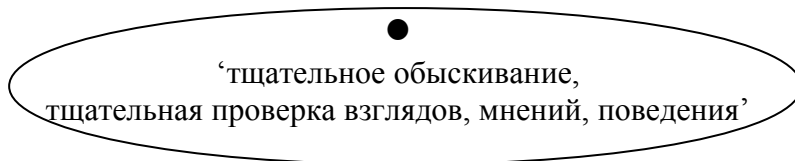

Рис. 6.

Первое входное пространство включает понятие «предметы, необходимые для поездки или путешествия», задействуя при этом концептуальную область «путешествие»; «сердце и почки» входят в другое входное пространство «органы тела»: *(Всех будят: японские офицеры и белогвардейцы проверяют паспорт, чемодан, сердце и почки).*

Построение интегративной сети при понимании двойного смысла зависит от того, какое место в предложении занимает контекст: предшествует ли он многозначному слову или следует за ним. Рассмотрим пример, когда контекст *предшествует* многозначному слову: «*Пожарный всегда работает с огоньком*» (Э. Кроткий).

Согласно теории концептуальной интеграции, человек выстраивает концептуальные пространства. Концептуальное пространство «пожарный» (входное пространство 1) включает понятие «пожар», «огонь». Родовое пространство несет знания о том, что пожарный работает на пожарах, тушит разбушевавшийся огонь, спасает жизни людей. С другой стороны «работать с огоньком» имеет еще значение «работать с задором, увлеченно» (входное пространство 2). Опасная работа пожарника не имеет ничего общего с задорной, увлеченной работой. Под действием структурных условий родового пространства структура из пространства 1 пересекается со структурой из пространства 2 и создает результирующую структуру в выходном пространстве (см. рис. 7):

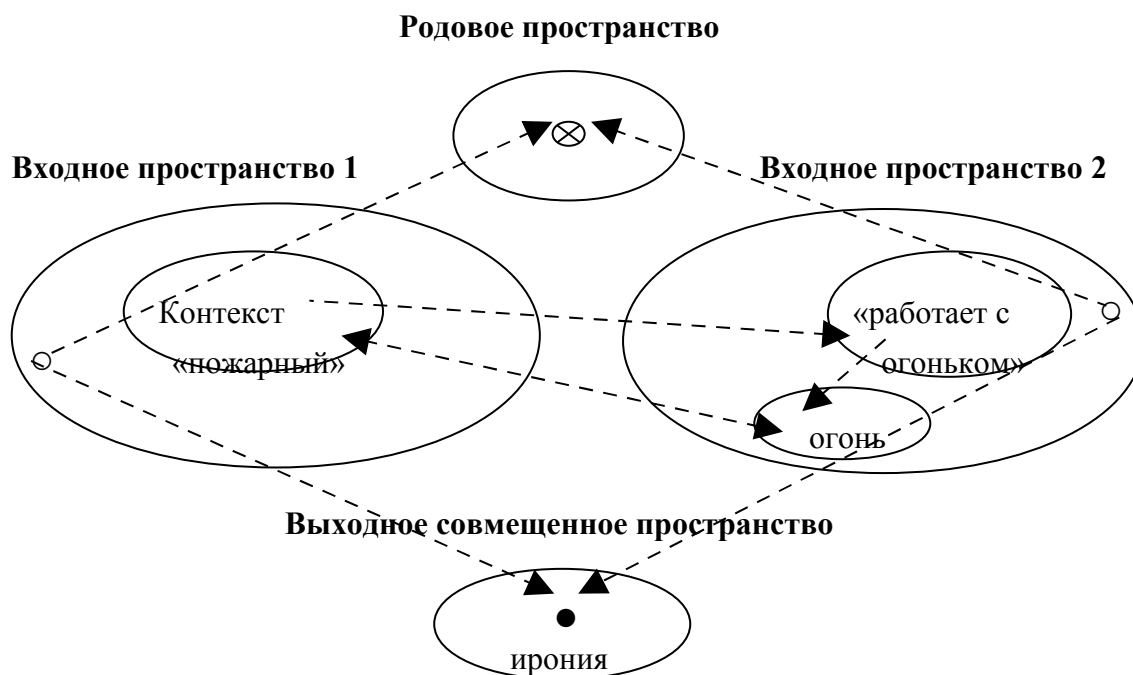

Рис. 7.

Если контекст *следует* за неоднозначным словом, существует несколько возможностей его распознавания: 1) вспоминается наиболее употребительное значение. Если оно оказывается несовместимым с контекстом, оно отбрасывается и извлекается другое значение («Пьеса наделала много шуму: во всех ее действиях стреляли» (см. рис. 8); 2) происходит активация всех значений («Как жаль, что способность делиться осталась лишь преимуществом простейших» (Я.А. Козловский) (см. рис. 9):

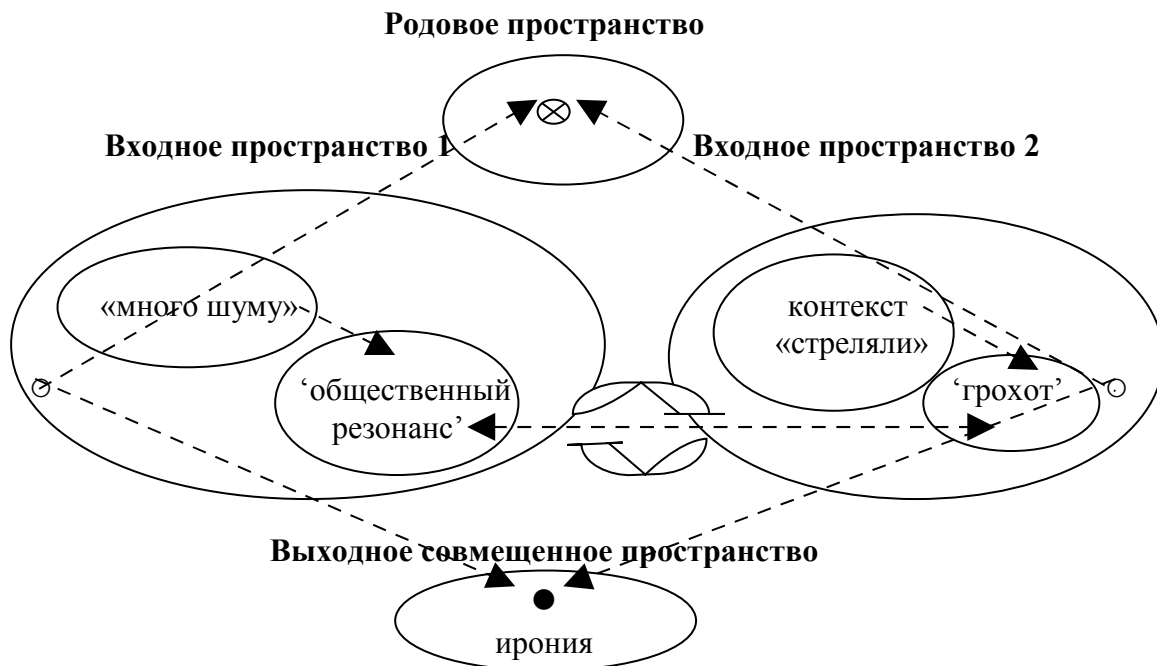

Рис. 8.

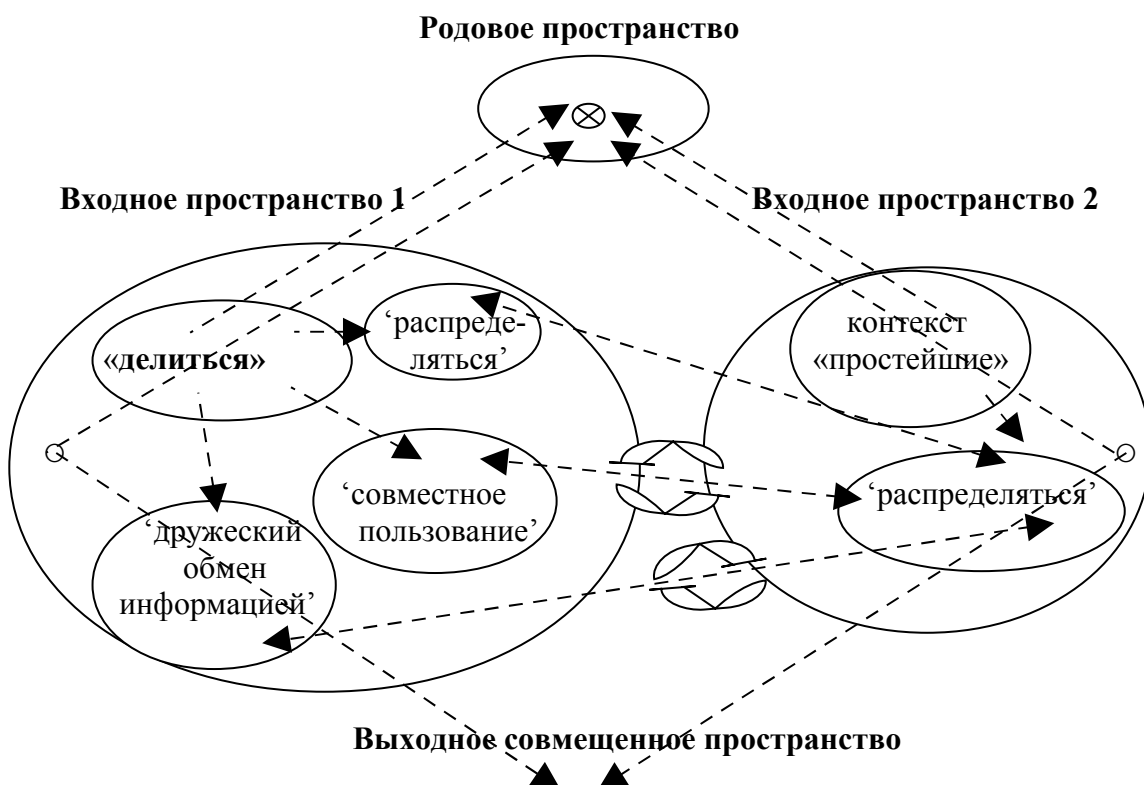

Рис. 9.

Первое входное пространство включает понятие «общественный резонанс» и с ним более распространенное значение ‘отзвук, отголосок, впечатление’. Второе входное пространство представлено контекстом «стреляли», который не имеет ничего общего с впечатлением от просмотра пьесы. Фреймы первого и второго входных пространств сталкиваются и дают результирующую третью структуру-бленд, несущую в себе иронию (см. рис. 8).

Что касается второй возможности распознавания неоднозначного элемента, при пересечении двух входных пространств происходит межпространственное картирование, т.е. поиск точек возможного соприкосновения соотносимых понятий посредством их сравнения (из рис. 9 видно, что это значение – ‘распределяться’), а результирующая структура (выходное смешанное пространство) переживается как ирония.

При восприятии иронии основополагающую роль играет контекст, ситуация высказывания. В примере «Хорошо же вы сегодня подготовились!» первое входное пространство представлено определенной ситуацией. В родовом пространстве мы несем знания о том, что невыполненное домашнее задание ведет к недовольству преподавателя и соответствующей оценке ученика. Второе входное пространство содержит структуры, противоположные первому. Фреймы первого и второго сталкиваются и дают результирующую третью структуру-бленд: выходное совмещенное пространство, которое включает в себя спроецированные из входных пространств элементы и свои собственные элементы, которые продуцируются в процессе функционирования интегрированного пространства (см. рис. 10):

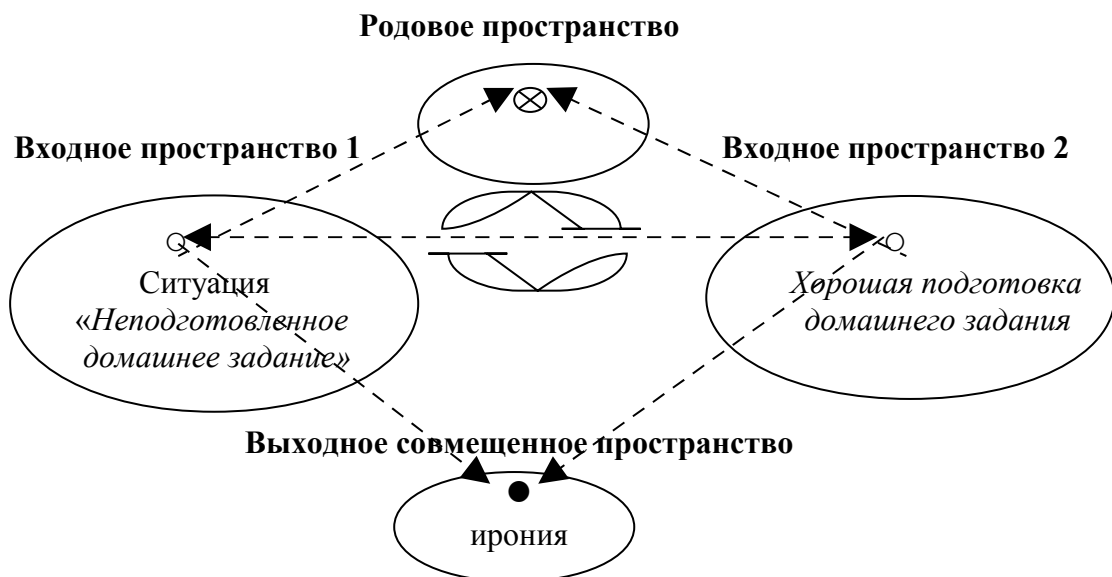

Рис. 10.

Понимание каламбура, основанного на фонетической неоднозначности, с позиций теории концептуальной интеграции будет схоже с пониманием двойного смысла. Стоящий перед неоднозначным элементом контекст подсказывает правильный выбор того или иного значения («Нет хуже удела, чем быть не у дела» (Я.А. Козловский)), поэтому процессы концептуальной интеграции при понимании каламбура будут такие же, что и при понимании двойного смысла (см. рис. 11):

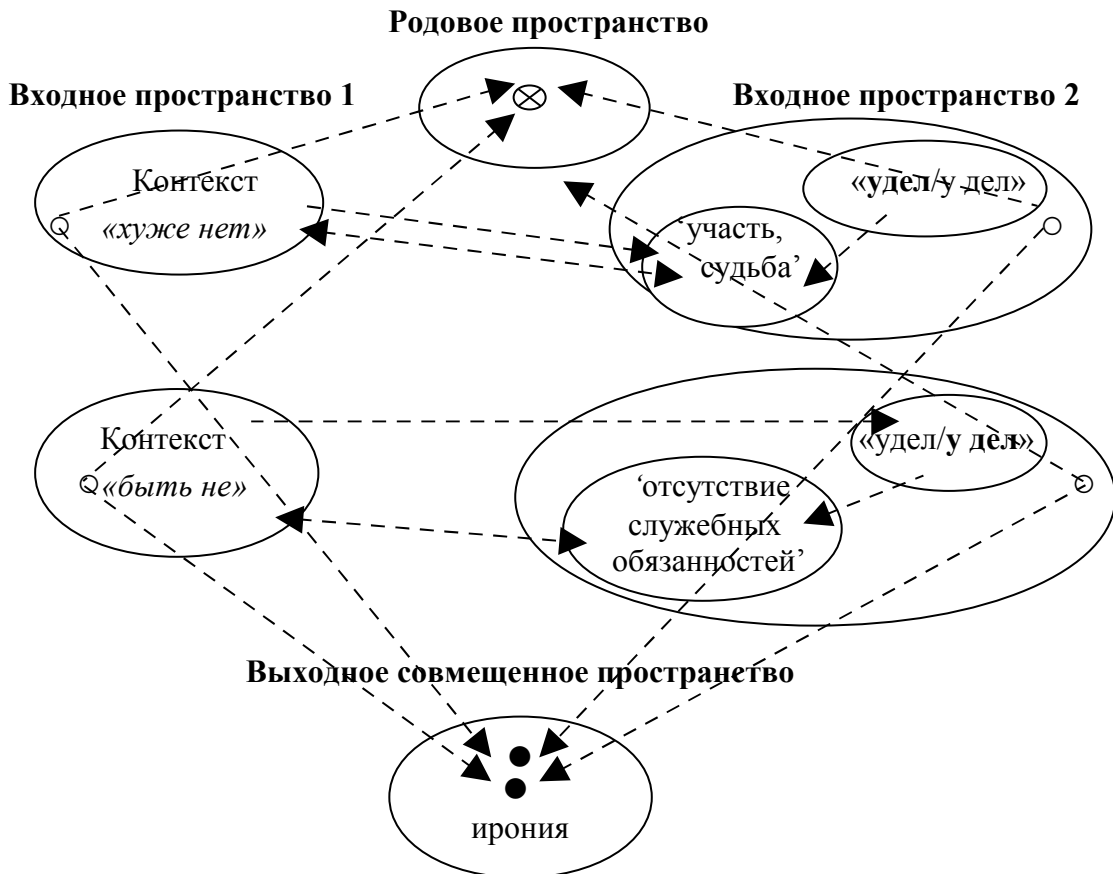

Рис. 11.

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях.

А. Публикация в рецензируемом издании

1. Белецкая Е.В. Моделирование особенностей понимания двойного смысла // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради: Научный журнал. – № 18(44). – СПб.: Книжный дом, 2007. – С. 77-83.

Б. Другие публикации

2. Белецкая Е.В. Функционально-семантическое поле сатирических коннотаций в немецком языке // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С. 11–18.
3. Белецкая Е.В. Вопросы разграничения стилистических фигур // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004а. – Вып. 2. – С. 16–24.
4. Белецкая Е.В. Тропы как языковое воплощение образности // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004б. – Вып. 3. – С. 17–24.
5. Белецкая Е.В. Оксюморон как одно из лексических средств пробуждения рефлексии // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4.– С. 8–17.
6. Белецкая Е.В. Зевгма как представитель семантических тропов / Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С. 17–22.
7. Белецкая Е.В. Основные когнитивные подходы к изучению метафор // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 6. – С. 21–31.